

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ

69

Исследование рукописей
и ксилографов
Института народов Азии

О.Ф. Акимущкин

КОММЕНТАРИИ НА «ИСКУССТВЕННУЮ» КАСЫДУ
ҚИВĀМІ МУТАРРИЗИ

К началу XII в. узость тематики и шаблонность построения панегирической касыды стали преградой на пути ее дальнейшего развития. Стремясь преодолеть это препятствие, персидские поэты пытались в известных пределах разнообразить содержание своих касыд, ввести новые оригинальные и нешаблонные мысли и образы¹. Наряду с этими поисками поэты обращались к самой форме классической касыды, старались усложнением поэтических изобразительных средств, изысканностью в их применении как-то украсить касыду, придать ей новизну, своеобразие и занимательность. Так в XII в. в персидской поэзии сложился особый вид касыды, который получил название «искусственная касыда». Такое произведение включало в себя большинство поэтических фигур, употребительных в поэтике, причем каждый бейт (в ряде случаев несколько бейтов) такой касыды служил иногда иллюстрацией применения одной, двух, а иногда и более фигур. Именно эту сторону отмечают источники как самый характерный и отличительный признак подобной касыды. Вместе с тем следует отметить, что использование такого количества фигур диктовалось отнюдь не содержанием произведения. Оно было вызвано стремлением поразить читателя умелым владением техникой стиха и отличным знанием риторических приемов. Последнее обстоятельство превращало любую «искусственную» касыду в своеобразный трактат по поэтике, где без каких бы то ни было пояснений демонстрировалось на примерах применение различных фигур.

Этот вид касыд, требовавших от поэтов виртуозного владения техникой, получил значительное распространение и привлек к себе внимание многих поэтов и любителей поэзии².

¹ Е.Э.Вертельс, История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 500-517 (далее — Е.Э.Вертельс, История).

² Интерес к этому виду касыд в литературе XV в. отмечает Е.Э.Вертельс. См. Е.Э.Вертельс, Навои, опыт творческой биографии, М.-Л., 1948, стр. 41-43.

Первой из дошедших до нас искусственных касыд является касыда Қивāmī Мутарризī, названная им «Бада'и' ал-асхār рī санā'и' ал-аш'ār». Размеры ее сравнительно невелики для касыды подобного жанра. Она состоит из ста бейтов и содержит 86 ригур и тропов³.

Согласно традиции, начало которой связано с именем Даулат-шāха Самарқанди⁴, автор касыды Джамāl ад-Дин Мухаммад ибн Абӯ Бакр ал-Қивāmī ал-Мутарризī ал-Ганджī⁵ считался братом⁶ крупнейшего поэта XII в. Абӯ Мухаммада Илийаса Низāmī Ганджави (536-599/1141-1203). Касаясь биографии Низāmī, исследователи его творчества с той или иной степенью подробности рассматривали этот вопрос, причем если одни из них считали сообщение Даулат-шāха достоверным и заслуживающим внимания, то другие отвергали

³ О том, что касыда состоит из ста бейтов, сообщают Мухаммад Тарбийат **دانشمندان آذربایجان تالیفی محمد خان تربیت چاپ اول ۱۳۳۱ تبریز ص ۳۰ - ۳۱** (далее — Тарбийат) и 'Абд ал-Қадир Сарфарāз *Descriptive Catalogue of the Arabic Persian and Urdu MSS in the Library of the University of Bombay* by Khan Bahadur shaykh Abdu'l-Qadir-e Sarfaraz, Bombay, 1935, p. 15. Хотя Э.Г. Броун сообщает, что касыда состоит из ста одного бейта, однако, анализируя и комментируя ее строка за строкой, он приводит те же сто бейтов; См. E.G. Browne, *Literary History of Persia*, vol. II, Cambridge, 1951, pp. 47-76 (далее — Броун).

⁴ The *Tadhkirat'ush-shu'arā* («The Memoirs of the Poets») by Dawlatshāh bin 'Alā'u-d-Dawla Bakhtishān al-Ghāzī of Samarqand. Ed. by E.G. Browne, London, Persian Historical Texts, 1901, vol. I, p. 128.

⁵ В такой форме приводит полное имя Қивāmī автор комментария (л. 3а). Следуя за Тақй ад-Дином Кāшāни (см. Sprenger, *A catalogue of the Arabic, Persian and Hindustani Manuscripts of the libraries of the King of Oudh*, vol. I, Calcutta, 1854, p. 16, N 24), М. Тарбийат указывает другой вариант — Қивām ад-Дин Ахмад Қивāmī ал-Мутарризī, а у 'Аббаса Икбаля мы находим третий вариант — Фахр ад-Дин Қивāmī ал-Мутарризī. См. رشيد الدين وطواط حدائق السمرقني دقايق الشعر باهتمام عباس اقبال تهران ۱۳۳۱ ص ۳۰ (далее — Ватвāt).

⁶ По другим сведениям — дядей, см. جميع الفصحاء تالیفی رضا قلی خان هدايت جلد اول تهران ۱۳۲۶ ص ۲۷۸; الذريعة الى تصانيف الشيعة تالیفی محمد حسن تریل سامرا؛ الشهيد بالشیح آغا بزرگ الطهرانی الجز الثالث نجف ۱۲۵۷ ص ۱۷۴۴۲ (далее — Наджма 'Ал-Фарсāхā).

его, видя в нем только вымысел⁷. Вместе с тем каких-либо веских и аргументированных доводов в пользу того или иного мнения до сих пор не приведено, и каковы были родственные отношения между Низāми и Қивāми (если они вообще были родственниками) до сих пор неясно⁸.

Сведения, которые мы находим о Қивāми Мутарризӣ в источниках, крайне скудны. Поэт, судя по его нисбе, был уроженцем г. Ганджи в Северном Азербайджане. Ремесленная нисба «мутарризӣ» указывает на то, что кто-то в его роду или семье был золотошвеем или занимался изготовлением канители. Сам же он, согласно Ризā Қули-хāну, был пекарем (хāббāз)⁹. По мнению же Са'ида Нафисӣ, хлебопечением занимался поэт Бадр ад-Дин Қивāми Рāзӣ — современник Қивāми Мутарризӣ¹⁰. В этой связи интерес представляет замечание Ризā Қули-хāна о том, что авторы некоторых антологий приписывают стихи ганджинца поэту из Рея¹¹. Хронологические рамки жизни Қивāми точно не установлены. Некоторую помощь здесь может оказать нам его искусственная касыда, которую он посвятил (бейт 89) правителю Ганджи атабеку Мухаммад-шāху Қзыл Арслāну (582-587/1186-1191). Исходя из этого обстоятельства, мы можем совершенно определенно сказать, что Қивāми был современником Низāми Ганджави и что его литературная деятельность приходится, видимо, на вторую половину XII в.

Ризā Қули-хāн отмечает, что между ним и Хāкимом Сӯзāни имела место непристойная поэтическая перебранка (мухāджāt). Действительно, у Сӯзāни¹² имеется несколько подобных сатир (хаджв), направленных против некоего Қивāми, но установить, против какого из трех современных ему поэтов,

⁷ Последние работы, в которых рассматривается этот вопрос: Е.Э. Бертельс, Низами, творческий путь поэта, М., 1956, стр. 68 и دیوان تصاید و غزلیات نظامی گنجوی
[کوشش استناد سعید نفیسی (تهران)]
ص ۱۳۳۸ (далее — Низāми. Диван).

⁸ Достоверность сообщения Даулат-шāха не вызывала бы сомнений, если бы оно не исходило из столь ненадежного и полного ошибок и вымысла источника, каковым является его «Тазкират аш-шу'арā».

⁹ Маджма' ал-фусахā, т. I, стр. 478.

¹⁰ Низāми, Дивāн, стр. 3.

¹¹ Маджма' ал-фусахā, т. I, стр. 478.

¹²

Шамс ад-Дин Мухаммад ибн 'Али Самарқандӣ, носивший поэтический псевдоним Сӯзāни, скончался около 569/1173-74 г.

писавших под этим литературным именем, не представляется возможным без детального исследования дивана стихов Сўзāни. Известность Қивāми снискал своими искусственными касыдами, в составлении которых он считался признанным авторитетом. Его диван, насчитывающий около 7000 бейтов, до нас, видимо, не дошел¹³. Ризā Қули-хāн приводит пять фрагментов из различных его касыд и одно кит'а – всего 98 бейтов, включая 15 бейтов из упомянутой искусственной касыды¹⁴. Еще три бейта находим мы у Шамс-и Қайса¹⁵ и автора «Сулам ас-самавāt»¹⁶.

Большой успех выпал на долю касыды «Бадā'и' ал-асхār». Она не только дожила до наших дней, но почти сразу же после своего появления вызвала ряд подражаний, ответов и комментариев. Последнее вполне понятно: для неискушенного читателя, мало знакомого со всем арсеналом поэтической техники и символики, трудности, возникавшие при чтении подобных произведений, были практически непреодолимы без пояснений. В совокупности же с такими комментариями любая искусственная касыда превращалась в подлинный трактат по поэтике.

К числу таких комментариев относится трактат «Рисāла-и пīрӯзи ва мақāла-и наврӯзи» («Счастливый трактат и новогоднее поздравление») ¹⁷, написанный Хамид ад-Дином Наджāti на касыду Қивāми и посвященный им Гийās ад-Дину Мухаммаду и Шараф ад-Дину Ахмаду – сыновьям историка Рашид ад-Дина Фазлаллаха (казнен в 718/1318 г.).

¹³ Тарбийат, стр. 309.

¹⁴ Маджма' ал-фуҶаҳā, стр. 478-479.

¹⁵

شمس الدين محمد بن قيس
الرازي، العجم في معيار الاشعار العجم، بسعي و اهتمام
پروفيسور ادوارد برون و تصحيح ميرزا محمد بن عبد الوهاب
تزيوني، بيروت 1969 ص ۳۸۰.

¹⁶ Рук. Института народов Азии АН СССР, шифр А 684, л. 101а. Об авторе и сочинении см. Н.Д. Миклухо-Маклай, Описание таджикских и персидских рукописей, вып. II 1961, № 105.

¹⁷ Краткая заметка о трактате без указания на его название имеется у Хаджжи Халифы, Kashf az-Zunun, ed. G. Flugel, t. II, Leipzig, 1837, p. 26, № 1704, а также в каталоге Ж. Руссо, J.L. Rousseau, Catalogue d'une collection de cinquents manuscrits orientaux, Paris, 1817, p. 16, № 256. Некоторые сведения об авторе и его произведении помещены в коллективном докладе XXV Конгрессу востоковедов в Москве: Н.Д. Миклухо-Маклай, О.Ф. Акимушкин, В.В. Кушев, М.А. Салахетдинова, Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании Ленинградского отделения ИВ АН СССР, М., 1960, № 16.

Об авторе рассматриваемого трактата нам известно очень немного. Несмотря на то, что он, как мы увидим ниже, являлся автором нескольких прозаических сочинений и поэтом, его имя по каким-то причинам не привлекло внимания составителей тазкире и не получило отражения на их страницах (во всяком случае тех, которые были нам доступны). Ҳамид ад-Дин Махмуд Абу Абдаллах ибн Умар Нишāпӯри с поэтическим псевдонимом Наджātī¹⁸ по роду своих занятий был ученым-филологом и, видимо, профессиональным поэтом. Происходил он из Нишапура, где получил обычное для того времени образование. В этом городе он провел свою юность и сделал первые шаги на поэтическом поприще. Впоследствии Наджātī переехал в Тебриз, где, кажется, прочно обосновался. Впрочем, из трактата (л.226) мы узнаем, что он бывал также и в Ширазе. Много позднее в составленном по просьбе мешхедца Мухаммада ибн Али, известного под именем Сивāk, кратком руководстве по поэтике «Ал-Кāфийа фī-л-‘арӯз»¹⁹ он называет своими учителями одного из лучших персидских лириков – предшественников Ҳāфиза Джамāl ад-Дина Мухаммада Исфāхāни и известного авторитета в области персидского стихосложения Йӯсуфа ‘Арӯзи-и Нишāпӯри²⁰. Относительно Джамāl ад-Дина Исфāхāни слова Наджātī следует, видимо, понимать в переносном значении, т.е. в том смысле, что он учился поэтическому мастерству, изучая его произведения. Джамāl ад-Дин Исфāхāни умер в 588/1192 г., и если наш автор на самом деле был его учеником, то мы должны были бы согласиться с тем, что ко времени завершения трактата его возраст значительно превышал сто лет, что маловероятно. Однако Йӯсуф Нишāпӯри вполне мог обучать его стихосложению и риторике, и, возможно, на него намекает автор, рассказывая о том, как он однажды обратился к своему наставнику с просьбой разъяснить непонятную фигуру (л.156). Точные хронологические рамки его жизни нам не известны, и мы можем восстановить только лишь некоторые ее эпизоды.

¹⁸ В такой форме приводится имя автора во втором томе «Каталога рукописей Тегеранского университета» *فهرست کتابخانه عبد الله منزوی*, *اهدائی آقای سید محمد مشکوة جلد ۲ کتب ادبی ۳۳* (далее – Муназави); без куньи по сыну – в трактате (л.16).

¹⁹ В предисловии к этому руководству Наджātī указывает, что пояснительные примеры извлечены им из трактата Рашид ад-Дина Ватвāта *ابن یوسف شیرازی کتابخانه مدرسه عالی جلد ۲ تهران ۱۳۱۸ ص ۱۴۵* (далее – Ибн Йӯсуф).

²⁰ Там же, стр. 445-446.

Самой ранней из известных нам работ Наджāti является арабский комментарий на исторический труд Абū Насра Мухаммада ал-'Утби (350-427/961-1036) — «ал-Таминий»²¹, названный им «Басātйн ал-'улама'» в рийāхйн ал-'укала'. Задача эта представляла известные трудности, поскольку сочинение 'Утби славилось цветистым и вычурным арабским языком, насыщенным малоупотребительными и редкими словами. Кроме того, книга от начала до конца была написана рифмованной прозой. Не удивительно, что трудности чтения и понимания мыслей автора потребовали специальных разъяснений. Для работы над своим комментарием Наджāti помимо неоднократного штудирования сочинения 'Утби привлек и детально изучил пять комментариев, написанных до него. Первую редакцию комментария он закончил в 709/1309-10 г. в Тебризе. И, видимо, в том же году (или в начале 710/1310 г.) он прочел его шейху Қутб ад-Дйна Мухаммаду ибн Мас'уду Шйрāзй, наиболее известному из учеников Нафйр ад-Дйна Тусй. (Позднее это случиться не могло, так как Қутб ад-Дйн умер в середине 710/конце 1311 г.) По его указанию автор увеличил объем комментария и, надо полагать, переработал его, окончательно завершив в 721/1321 г.²²

Судя по словам самого Хамйд ад-Дйна Наджāti, он был близок со многими поэтами, подвизавшимися при дворе ильханов и их везиров. В частности, он посещал дом поэта Хаммам ад-Дйна Табрйзй (ум. в 713/1313-14 или в 714/1314-15 г.) и неоднократно встречался с Шамс ад-Дйном Кāшāнй. Их стихи и слышанные от них рассказы Наджāti не раз приводит в «Счастливом трактате». Но сам он как поэт остался неизвестен. Диван, составленный им, до нас не дошел, а составителям тазкире его имя не было знакомо, так же, как и его стихи. Впрочем, сам Наджāti ценил их очень высоко: «... ни в одном диване, как прежних [поэтов], так и современных, нет столь остроумных образов, что встречаются в стихах сего немощного, за исключением дивана Камал ад-Дйна Исма'ила, Асйр ад-Дйна Уманй и Сирāдж ад-Дйна Қамарй» (л. 276). Мы видим, что высказывания нашего автора не отличаются скромностью, хотя некоторое основание для этого он имел, понимая под «остроумными образами» искусное применение поэтических фигур, которое он исполнял с большим знанием дела. Вообще же поэт он был второстепенный, и стихи его (те, что он приводит для пояснений фигур) производят впечатление слабых и надуманных. Знаток поэзии и филолог Наджāti стоял гораздо выше Наджāti-поэта. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с его трактатами, которые ясно показывают нам высокую степень эрудиции и образованности, позволявшие Наджāti прекрасно разбираться во всех

²¹ См. A.C. Storey, *Persian Literature, A bio-bibliographical Survey*, vol. I, London, 1936, s. 250 (далее — Storey); также Е.Э. Бертельс, *История*, стр. 375-376.

²² Муназавй, т. II, стр. 536.

тонкостях схоластической поэтики. Пробовал он свои силы и в составлении искусственных касыд. Начало одной из них приведено в его трактате (л.156):

شباب رفت بکلی دریغ روز شباب * خراب گشت بکلی بنای عمر خراب

Совсем ушла молодость, увы, дни юности!

Совсем расшатался фундамент жизни, совсем.

Принадлежал ли наш автор к окружению везира Гийās ад-Дйна, и какую роль он играл при нем, остается неизвестным, как и дальнейшая судьба Хамид ад-Дйна Наджāти. Есть сведения только, что он был еще жив в 738/1337-38 г.²³

Трактат, к рассмотрению которого мы переходим²⁴, был назван самим автором «Счастливым трактат и новогоднее поздравление». Как раз к этому времени подоспел Новый год и «войско тепла и новогодней зелени победоносно одолевало армию холодного дыхания зимы» (л.26). Наджāти решил воспользоваться этим, чтобы преподнести свой труд Гийās ад-Дину, «поскольку в подобные дни среди многочисленных вассалов и подчиненных бытует [такой] обычай, чтобы каждый сделал своему покровителю и начальнику подношение или подарок» (л.26). Таким «подношением» и явился комментарий на касыду «наставника мужей осведомленных и шейха поэтов» — Қивāми. Далее Наджāти делает любопытное признание: «Я написал краткий комментарий, содержащий пояснения фигур (санāий²⁵), и для всеобщей пользы привел персидские стихи в качестве примеров на [эти] фигуры, ибо большинство современников лишены драгоценностей [арабского] воспитания и не носят украшений [знания] языка арабского. Кроме того, поскольку комментируемая касыда была [написана] на персидском языке, то примеры и комментарий на нее были бы на персидском языке более подходящими и сообразными» (л.36).

Хамид ад-Дин Наджāти не указывает точной даты написания трактата. Однако мы можем установить крайние сроки, в пределах которых был составлен комментарий. Рассказывая о своих встречах с поэтом Шамс ад-Дин Кашāни, Наджāти отзывается о нем как об уже умершем (мархūм). Дату же смерти Шамс ад-Дйна (между 728/1328 и 730/1330 гг.) устанавливает современник последнего Хамдаллах Қазвини. Гийās ад-Дин занимал пост везира

²³ Переписчик, переписавший его краткое руководство (см. выше) в этом году, отзывается о нем как о здравствующем.

²⁴ Судя по каталогам, которыми мы располагаем, трактат этот не представлен в других хранилищах рукописей. О другом комментарии на касыду Қивāми см. «Описание восточных рукописей Академии наук УзССР», Ташкент, 1954, т. II, стр. 55, № 851.

с 727/1327 по 736/1336 г. Таким образом, трактат мог быть написан между 728/1328 и 736/1336 гг. Вместе с тем следует отметить, что пышный титул, прилагаемый к имени автора в самом начале трактата, позволяет предположить, что текст сочинения не дошел до нас в том виде, в каком он вышел из-под пера Наджāti, и, видимо, подвергся некоторой редакции.

Хотя в комментарии нет деления на главы, все же в нем достаточно четко видны три части: введение автора с изложением причины, побудившей его составить этот труд (л. 1б); подробный анализ и комментарий касыды Қивāмӣ и всех входящих в нее фигур (л. 4а): наконец, дополнения автора и пояснение поэтических терминов (л. 57б).

Начало (л. 1б) *الحمد لله البديع المبدع للبدائع الصنائع المختراع للصانع و صلوة*
 Начало комментария (л. 4аб) *قال الاستاد الطرزي الكنجي حسني*

*الطلع و الترتيب اى ملك را هواى قدر تو بار *
 و اى ملك را ثنائى صدر تو تار*

Комментарий строится по следующей схеме: приводится бейт из касыды Қивāмӣ, затем поясняется фигура, заключенная в нем, и в качестве примеров привлекаются бейты из стихов различных персидских поэтов на эту фигуру.

Касыда Қивāмӣ, которая представлена нашим списком, насчитывает только 97 бейтов. Сравнение с текстом этой касыды, помещенном в транскрипции у Э.Г. Броуна и содержащим сто бейтов, выявляет значительное число текстуальных расхождений и разночтений, предпочтительность большинства которых в нашем списке не вызывает сомнений²⁵. Это сравнение дает такую картину (порядок бейтов нашего списка по Броуну): 1, 2, 3, 5, 4, 6, 7, 8, 9, 30, 32, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 10, 11, 12, 13, 14, пропуск, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 78, 79, 87, пропуск, 76, 75, 89, 85, 86, 83, 84, пропуск, 81, 82, 90, 91, 92, 94, 93, 95, 97, 98, 99, 100. По вине ли переписчика или же вследствие того, что он располагал дефектным списком, в комментарии не приведены бейты 15 и 80, однако в первом случае имеются пояснения и примеры, а во втором даны только примеры. Далее, вместо двух бейтов (87-88 у Броуна), поясняющих фигуру калām ал-джāмӣ, у Наджāti приведен один (84-й в порядке нашего списка), который не встречается у Броуна. Кроме того, наблюдается перестановка бейтов, когда один и тот же бейт,

²⁵ Следует отметить, что число этих разночтений слишком велико на сто бейтов. Сравнение изданного текста с нашим списком дает 67 разночтений. Приведенные шейхом 'Абд ал-Қадиром разночтения по списку, хранящемуся в библиотеке Бомбейского университета, указывают на его очень большое сходство и близость с нашим списком. См. Shaikh Abdul Qadir, Qiwami's Riddle, - JBRAS, 1925, № 4, pp. 262-267.

согласно комментарию Броуна, поясняет одну какую-нибудь фигуру, у Наджāтī же этот бейт иллюстрирует другую²⁶.

Анализируя одну за другой все фигуры, заключенные в касыде Қивāmī, Э.Г. Броун, как, впрочем, признает он сам, не смог объяснить и раскрыть четыре из них. А именно: лугз (бб. 53-62), мувашшах (б. 66), муджаррад (б. 70) и му'амма (б. 73)²⁷. Двум фигурам — лугз и муджаррад — дает объяснение наш комментатор. Ответом на загадку (лугз) служит слово 'ишқ ("любовь"); разновидностью фигуры муджаррад (всего их насчитывается 28) является фигура «муджаррад мин алиф» (т.е. в бейте нет ни одного слова с буквой алиф). Точно так же толкует эти фигуры и индийский ученый Шейх 'Абд ал-Қадир Сар'арāз в упомянутой выше статье. Далее, по мнению Наджāтī, бейт (л. 40 а):

دوست میدارمش که یارمنست * دشمن آن به که خود نباشد یار

Я люблю его, потому что он мой друг.

Враг тогда хорош, когда сам не является другом.

Заключает фигуру мувашшах, которая дает следующую мисрā':

Друг-враг, когда он друг врага.

دوست دشمن است دشمن یار

И, наконец, последняя фигура — логогриф (л. 44 а):

موج و دود دل و دو دیده من * برد دریا و ابر را مقدار

Наджāтī не сумел вывести из него искомого слова, но считает, что он содержит намек на имя возлюбленной поэта.

Касыда Қивāmī обнаруживает вполне очевидную зависимость от трактата Рашид ад-Діна Ватвāта «Хадā'иқ ас-сихр ва дақā'иқ аш-ши'р». Қивāmī сохраняет даже порядок поэтических фигур, принятый Ватвāтом. Таким образом и трактат Хамїд ад-Діна Наджāтī, комментирующий касыду Қивāmī, также оказывается в композиционной зависимости от поэтики Ватвāта. Кроме того, наш автор сознательно следовал Ватвāту, заимствуя из его труда стихи исключительно персидских поэтов, чтобы проиллюстрировать применение ими различных фигур²⁸.

²⁶ Ср. например, бейты, заключающие фигуры «играқ» и «джам' ма' тафрїқ», лл. 256, 46; см. Броун, стр. 70, 71.

²⁷ Броун, стр. 65, 66, 67, 68 (порядок бейтов по нашему списку).

²⁸ На эту особенность уже обратил внимание либо переписавший список каллиграф, либо позднейший владелец списка, который привел на полях 36 примеров из Ватвāта: 31 на арабском языке и 5 на персидском, опущенные за ненадобностью Хамїд ад-Динот Наджāтī. Несомненно, что во время переписки или изучения трактата кто-то из них имел под руками эту поэтику и сравнивал трактат с нею. Следы этого сопоставления, к сожалению, не проведены последовательно до конца, мы видим на полях рукописи.

Во всех случаях Наджāti строго придерживается введенных Рашид ад-Дином Ваṭвāṭом определений, которые получили признание у авторитетов. Исключение составляют фигуры, появившиеся после того как Ваṭвāṭ написал свою поэтику. Всего в нашем списке комментария рассматриваются 95 фигур, из них одна фигура (мурабба²⁹, л. 61б) не использована у Қивāми в его касыде, а 11 и не могли быть использованы, так как были введены после написания касыды.

Значительный интерес вызывают в трактате многочисленные цитаты из касыд и газелей крупнейших поэтов X – первой трети XIV в., которые автор привлекает для иллюстрации различных фигур. Естественно, что Ҳамид ад-Дин Наджāti заимствовал большое число этих цитат из поэтики Ваṭвāṭа. Вместе с 14 примерами, взятыми из од самого Ваṭвāṭа, таких цитат насчитывается 52, что составляет 79 бейтов из касыд и газелей 15 поэтов, творивших в X–XII вв.²⁹ Вместе с тем Ҳамид ад-Дин Наджāti пополняет список поэтов, чьи имена мы находим у Ваṭвāṭа, цитируя (8 раз) как отдельные бейты, так и фрагменты касыд предшественников и современников Ваṭвāṭа, которые по различным причинам не получили отражения в его труде. Мы имеем в виду Абу-л-Қасима Фирдауси, Абу Маджда Санаи, Муджира Байлақани, Афзал ад-Дина Ҳақани и др. Из старших современников он чаще других цитирует Мушриф ад-Дина Сади и Шамс ад-Дина Кагани. По количеству цитат на первом месте стоит Рашид ад-Дин Ваṭвāṭ (14), далее следуют Унсури (10), Сади (9), Масуд-и Салман (6). Однако высоко оценивая свои собственные стихи, Наджāti очень часто предпочитает их чьим-либо другим. Всего он цитирует 34 персидских и одного арабского поэта X – первой трети XIV в. В это число не входит ни он сам, ни его патрон – великий везир Гийас ад-Дин Мухаммад. Ниже помещен полный список цитируемых в комментарии поэтов, причем имя каждого из них дано в форме, приведенной Наджāti. В скобках указывается более полное имя поэта и дата его кончины, если таковая установлена. Перечень составлен в хронологическом порядке дат смерти.

1. Абӯ Абдаллах Джафар ибн Муҳаммад Самарқандӣ Рӯдакӣ (ум. в 329/940-41 г.), л. 526* – 1 бейт³⁰.
2. Мунджик Термезӣ (Абӯ-л-Ҳасан Али ибн Муҳаммад Термезӣ (вторая половина X в. н. э.), лл. 256, 306 – 2 бейта.
3. Мантқиқӣ (Абӯ Муҳаммад Мансӯр ибн Али, ум. между 367 и 380/977-990 гг.), л. 526 – 1 бейт.

²⁹ В трех случаях он заменяет примеры, приведенные Ваṭвāṭом, другими примерами, взятыми из стихотворений тех же поэтов; в ряде случаев он предпочитает им стихи своих современников или же свои собственные.

4. Абӯ-л-Фарадж Вāвā-и Димишқӣ (Абӯ-л-Фарадж ал-Вāвā Мухаммад ибн Аҳмад ал-Гассāни, ум. ок. 370/980-81 г.), л. 31б – 1 бейт³¹.

5. Қамарӣ (Абӯ-л-Қасим Зийād ибн Мухаммад ал-Джурдажāни, современник Қабӯса ибн Вашмгӣра, 366-403/976-1013), лл. 19а, 47б – 3 бейта.

6. Абӯ-л-Қасим Фирдаусӣ (Абӯ-л-Қасим Мансӯр ибн Ҳасан, ум. в 329-411/940-1020 г.), л. 6а – 1 бейт из «Шаҳ-наме».

7. Фаррухӣ (Абӯ-л-Ҳасан ʿАли ибн Джӯлӯғ, ум. в 429/1037 г.), лл. 23а, 31, 32а, 32б, 66б – 9 бейтов.

8. ʿУнсӯри (ум. в 431/1039 г.), лл. 18б, 24б, 38а, 38а, 49б, 50б, 51а, 52б, 53б, 54б – 14 бейтов.

9. Минӯчихрӣ Дамгāни (Абӯ Наджм Аҳмад ибн Каʿус, ум. в 432/1040 г.), л. 21б – 3 бейта.

10. Зйнатӣ (или Зайнабӣ) ʿАлавӣ, современник Газневида Масʿуда (421-432/1030-1041), л. 16аб – 3 бейта.

11. Масʿуд Рāзӣ, современник Газневида Масʿуда (421-432/1030-1041), л. 19б – 2 бейта.

12. Қатрāн (Абӯ Мансӯр Қатрāн ʿАзудӣ Табризӣ, ум. ок. 467/1074-75 г.), лл. 8б, 9а, 10а, 55а³² – 5 бейтов.

13. Адīb Натанзӣ (Абӯ ʿАбдаллāх Ҳусайн ибн Ибрāхӣм ибн Аҳмад Натанзӣ, ум. в 499/1105-06 г.), л. 14а – 1 бейт.

14. Масʿуд ибн Саʿд-и Салмāн (Лāхӯрӣ, ок. 438-515/ок. 1046-1121 г.), лл. 11б, 12а, 23б, 24а, 29б, 56б-57а – 19 бейтов.

15. Амӣр Муʿиззӣ (Абӯ ʿАбдаллāх Мухаммад ибн ʿАбд ал-Малик Нйшāпӯрӣ, ум. между 518 и 521/1124 и 1127 гг.), лл. 8а, 9б, 10б, 39а, 39б, 59аб, 63а – 11 бейтов.

³⁰ Звездочка означает, что автор этого бейта в нашем списке комментария не указан.

³¹ Ҳамид ад-Дин Наджātӣ замечает, что этот бейт Вāвā-и Димишқӣ приводит Абӯ Мухаммад ал-Қасим ибн ʿАли (ум. в 516/1122-23 г.) ал-Ҳарӣрӣ в первой главе своих «Мақāmāt». В действительности этот бейт находится во второй главе. Ср. *كتاب الرقامات الادبية تاليف ابن محمد القاسم الحريري مصر*. О поэте см. И.Ю. Крачковский, *Абу-л-Фарадж ал-Вава Дамасский*. Материалы для характеристик поэтического творчества, Петроград, 1914, стр. 47, стих. № 74, перевод – стр. 269, № 77.

³² Авторство у Ватвāта (стр. 82) не указано. Однако у Садид ад-Дйна ʿАуфӣ эти два бейта (л. 55а) отнесены ʿАсджадӣ (ум. в 432/1040-41 г.). См. Muhammad Awfi, *The Lubābu'l albab*, in the original Persian, with preface indices and variants by E.G. Browne, vol. II, London, 1905, p. 52.

16. Ум^ак Бух^ар^и (Абу-н-Надж^иб Ших^аб ад-Д^ин Бух^ар^а'^и, ум. в 542 или 543/1147 или 1148 г.), л. 30а – 2 бейта.
17. Х^ваджа Сан^а'^и (Абу-л-Маджд Маджд^уд ибн А^дам, ум. в 545/1150 г.), лл. 58б, 63а, 64а – 5 бейтов.
18. Абд ал-Вас^и' Джабали^и (Абд ал-Вас^и' ибн ал-Джа^ми' Г^урджастан^и, ум. в 555/1160 г.), л. 33а – 1 бейт.
19. Сейид Хасан Ашраф Газна^ви (Ашраф ад-Д^ин Абу Мухаммад Хасан ибн Мухаммад Хусайн Газна^ви, ум. в 556/1161 г.), лл. 5аб, 55б – 2 бейта.
20. Камали^и (Амид Камал ад-Д^ин Камали^и Бух^ар^и Джамал ал-кутт^аб, современник великого сельджука Санджара, 511-552/1118-1157), л. 49б – 1 бейт.
21. Устад Рашид ад-Д^ин Ват^ват (Рашид ад-Д^ин Са^д ал-Мулк Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абу-л-Джал^ил Умар^и Катиб Балх^и, ум. в 573/1157 г.), лл. 5а, 9а, 13а, 15а, 17а (дважды), 18а, 25а, 34а, 37а, 41а (дважды), 51б, 55а – 21 бейт.
22. Ас^ир ад-Д^ин Ахсикати^и (Ас^ир ад-Д^ин Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Тахир, ум. ок. 577/1181 г.), л. 5б – 1 бейт.
23. Анвар^и (Авхад ад-Д^ин Мухаммад ибн Мухаммад, ум. в 583/1187 г.), л. 63а, л. 63б – 2 бейта.
24. Муджир ад-Д^ин Байлакан^и (Абу-л-Макарим Муджир ад-Д^ин, ум. ок. 586/1190 г.), лл. 39б, 40а, 42б – 15 бейтов.
25. Шараф ад-Д^ин Шафарух (Шараф ад-Д^ин Абд ал-Му^мин Мухаммад ибн Фазлаллах Исфакан^и, поэт конца XII – начала XIII в.), л. 32 – 3 бейта.
26. Ха^кани (Афзал ад-Д^ин Бадил ибн Али Ха^кани Ширван^и, ум. в 595/1198-99 г.), л. 57б – 2 бейта.
27. Камал ад-Д^ин Исма^и'ил ибн Джамал ад-Д^ин Мухаммад Исфакан^и (ум. в 635/1237-38 г.), лл. 20а-21а, 45б, 48б – 28 бейтов.
28. Има^ми (Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абу Бакр Усман Харав^и, ум. в 676/1277 г.), л. 35а – 2 бейта.
29. Са^д'и Шира^зи (Мушриф ад-Д^ин Абдаллах ибн Муслих ад-Д^ин, ум. в 690/1291 г.), лл. 7б, 21б, 22а, 26б, 38б, 45а, 59а, 61а, 62а – 14 бейтов.
30. Хаммам ад-Д^ин Табри^зи (ум. в 713 или 714/1313-14 или 1314-15 г.), л. 6б – 1 бейт.
31. Шамс ад-Д^ин Кашани^и (ум. в 728/1327-28 г.), лл. 14б, 43а, 43б – 11 бейтов.
32. Абу-л-Мафахир Р^ази, л. 64б – 2 бейта.
33. Шамс ад-Д^ин Исфар^а'ин^и, л. 16б – 3 бейта.
34. Махмуд ибн ал-Музаффар Табри^зи, л. 66а – 2 бейта.
35. «Один из талантливых мужей Самарканд», л. 37б – 3 бейта.

Чем же характерен этот перечень? Во-первых, как нам кажется, тем, что Надж^ити косвенно показывает в нем, творчество каких классических поэтов в его время по-прежнему привлекало к себе внимание, кто из них

продолжал сохранять популярность в поэтической среде, у кого следовало учиться мастерству. Во-вторых, тем, что в нем сказывается (и достаточно ясно) зависимость комментария Наджāтӣ от поэтики Ваṭвāṭа.

Заключительная часть трактата посвящена фигурам, которые не получили отражения в касыде Қивāмӣ, хотя большинство их было отмечено Ваṭвāṭом. Наряду с этим в трактате комментируются технические термины, принятые в поэтической среде, каковых Ҳамӣд ад-Дин Наджāтӣ насчитывает 12 (из общего числа 17 у Ваṭвāṭа). Остальные пять — муṣарра³³, тарджӣ³⁴, ʿакс³⁵, тадвӣр³⁶, мукаррар³⁷ — он относит к разряду самостоятельных фигур. Это число он также пополняет еще тремя фигурами: лафʿ-о-нашр³⁸, музаммат³⁹, таджрид⁴⁰. Конец (л. 67а):

و طاعت و سنت ایشان بر
 جباران گیتی و قهران دنیا فریضه و واجب کناد به محمد
 بقیة البقیته و اهل بیته و ذویه تمة الرسالة محمد
 الله و حسن توفیقه

33 Все полустихия (мисрāʿ) бейтов, входящих в касыду, имеют одну и ту же рифму.

34 Наш комментатор неправильно относит в данном случае к разряду фигур один из жанров персидской поэзии.

35 Начальные слова первого полустихия повторяются в конце второго. Ср. с фигурой «радд ас-садр ила-л-ʿаджуз» См. Вахїд Табрїзї, Джамиʿ-и мухṭасар, М., 1959, стр. 115, № 132 (далее — Вахїд Табрїзї).

36 Полустихия, вписанное в круг, может читаться с любого места. Наджāтӣ, следуя за Ваṭвāṭом, называет эту фигуру «детской забавой».

37 В бейте в каждом полустихии дважды рядом повторяются какие-либо слова, которые в следующем бейте уже перечисляются трижды. См., например, Е.Э. Бертельс, История, стр. 372.

38 В одном бейте или одном полустихии перечисляются какие-либо предметы или лица, а во втором полустихии или следующем бейте приводятся их признаки или качества. Ср. Вахїд Табрїзї, стр. 119, № 148.

39 Предъявление претензий в весьма сильных выражениях с доводами своей правоты.

40 Нарочитое увеличение количества качества в каком-либо предмете или лице за счет уменьшения его в другом.

Приведем необходимые данные о списке.

Рукопись В 568, старый шифр 488, принадлежит к коллекции Ж.Л. Руссо, приобретенной в 1819 г. Российской Академией наук, № 258; 67 листов, размером 22,3 x 15,5 см, размер текста 14,2 x 9 см, по 13 строк на странице в рамке из двух черт, проведенных красной тушью. Пагинация европейская. Почерк очень четкий, довольно крупный, не лишенный изящества насх-и йранӣ, весьма характерный для XIV — первой четверти XV в. Тушь черная, текст касыды Қивәмӣ и названия фигур писаны почерком сулд красками и золотом, также красками вписаны некоторые поэтические цитаты, почерком насх писаны прозаические цитаты. В начале простой «уввән — прямоугольник, обведенный тремя красными чертами, без обычной раскраски. Бумага плотная, но невысокого качества, мало лошенная, слегка кремового оттенка, наощупь мягкая, волокнистая, багдадского или тебризского производства. На л. 67а затерта миндалевидная печать одного из владельцев списка. Переплет скромный, красной кожи, с центральным медальоном, видимо, того же времени, что и весь список.

Рукопись хорошей сохранности, была реставрирована одним из прежних владельцев. Дефекты: оборван угол л. 67 и затерто до дыры имя владельца на л. 16.

Скромный, лишенный убранства внешний вид списка производит впечатление, что каллиграф выполнил эту работу для себя, а не по заказу. На л. 67а имеются две приписки. Первая фиксирует факт покупки списка в г. Мар'аше неким 'Абд ал-Гафф'аром 'Абд ал-'Азйзом Челебӣ ибн шейх 'Усм'аном у Мустафы Челебӣ ибн Мухаммада Челебӣ ал-Мударриса. Вторая представляет для нас больший интерес. Судя по почерку, она является припиской позднейшего владельца рукописи, в которой тот сообщает о рождении сына. Последнее обстоятельство помогает нам, правда, неполностью, восстановить его имя — Мухаммад ибн Хизр ибн ал-Мас'уд.

Приписка: ... فى مولود محمد بن محمد بن خضر بن السعود ...
فى شهر شوال سنة [عشر و ثمانماية

«Относительно [рождения] сына — Мухаммада ибн Мухаммада ибн Хизра ибн ал-Мас'уда... в месяце шавв'але года восемьсот... надцатом». К сожалению, угол листа оборван, и прочесть полностью эту приписку не представляется возможным. Дата написана не цифрами, а прописью. Сохранилось написание восьмисот и десяти ('ашара). Следовательно, рукопись была переписана не позднее шавв'але 819 г. х., т.е. ноября-декабря 1418 г.

В заключение следует отметить, что историка литературы не может не заинтересовать развитие такого раздела средневековой схоластической поэтики, как учение о поэтических фигурах. Искусственные касыды (совместно с комментариями) наряду со специальными трактатами по поэтике

достаточно полно фиксировали характер и пути этого развития, выразившиеся в постепенном усложнении поэтических изобразительных средств, когда простые фигуры и тропы уступали место технически более сложным и изощренным. Лучше всего этот процесс выявляется при сравнении любой искусственной касыды, или комментария на нее, или трактата по поэтике с предшествовавшими им по времени написания сочинениями этого же жанра. Но такое сопоставление выходит за рамки настоящей статьи и является предметом отдельного исследования.